

Спектор Лилия Александровна

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "МАТРЕНИН ДВОР" И ЕГО ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются проблемы, связанные с переводом реалий, относящихся к сфере религиозных праздников, ассоциативных и ономастических реалий. Особое внимание уделяется вопросу, насколько переводной текст художественного произведения может служить объективным источником информации об иной культуре. Автор приходит к выводу о том, что попытки сохранить национальное своеобразие оригинала приводят к образованию смысловых нарушений, вызванных влиянием переводящей культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 194-196. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'25

Филологические науки

В статье рассматриваются проблемы, связанные с переводом реалий, относящихся к сфере религиозных праздников, ассоциативных и ономастических реалий. Особое внимание уделяется вопросу, насколько переводной текст художественного произведения может служить объективным источником информации об иной культуре. Автор приходит к выводу о том, что попытки сохранить национальное своеобразие оригинала приводят к образованию смысловых нарушений, вызванных влиянием переводящей культуры.

Ключевые слова и фразы: ассоциативные реалии; религиозные праздники; функциональный аналог; национально-культурная специфика.

Лилия Александровна Спектор, к. филол. н.

Кафедра французской филологии

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

libondarenko@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)[©]**

Проблеме перевода реалий, в особенности реалий бытовых, посвящено достаточно большое количество различных трудов. Такие слова как «изба», «валенки», «печка», «горница» давно стали интернациональными и не требуют дополнительного перевода, поэтому в текстах обычно транскрибируются. Большой интерес для исследования представляют так называемые ассоциативные реалии, так как иногда даже переводчику довольно сложно их заметить и понять. Ассоциативные реалии, выделенные в классификации В. С. Виноградова в отдельную группу, связаны с символикой (вегетативной, анималистической, цветовой) и аллюзиями (фольклорными, историческими, литературно-книжными и языковыми). Они непосредственно связаны с духовной культурой народа, и их перевод, по словам В. С. Виноградова, «занятие сложное и сугубо творческое». В этом случае переводчик вынужден «прибегать к подстрочным комментариям или, в лучшем случае, к описательному переводу и различным пояснениям, вводимым в переводный текст» [1, с. 116]. Но в первую очередь перевод ассоциативных реалий требует определенных фоновых знаний у самого переводчика. Не обладая ими, переводчик не сможет понять, на что намекает автор в аллюзиях, или какую роль играет тот или иной символ в тексте, и, следовательно, не сможет донести эту информацию до читателя.

Обратимся к рассказу А. И. Солженицына «Матренин двор» [2] и к его переводу на французский язык, выполненному Л. и А. Робель [6].

Рассказчик возмущается в начале романа: «*Torfprodoukt? Ah, Turgenev ne знал, что можно по-русски составить такое!*» [2, с. 113].

Данная реалия принадлежит к литературно-книжным аллюзиям, поскольку она содержит явный намек на стихотворение в прозе Тургенева «Русский язык», в котором писатель прославлял богатство «великого, могучего русского языка».

А теперь рассмотрим перевод данного абзаца на французский язык: “*Torfprodoukt? Diable! Tourgueniev ne se doutait pas qu'on pouvait fabriquer des noms comme celui-la en russe!*” [6, p. 65].

Переводчики протранскрибировали *Torfprodoukt* и по возможности точно перевели остальную часть высказывания на французский язык. У русского читателя при прочтении этого отрывка сразу возникает ассоциация со стихотворением в прозе «Русский язык», чьи безграничные способности восхвалял Тургенев и который, тем не менее, не был способен самостоятельно создать топоним «Торфпродукт», к искусственности и неблагозвучности которого Солженицын относится, по всей видимости, негативно. У французского читателя как представителя другой культуры, не обладающего требуемыми фоновыми знаниями, подобных ассоциаций не возникнет. Во-первых, он не ощутит искусственность топонима *Torfprodoukt*, а во-вторых, у него не возникнет ассоциации с вышеназванным произведением.

Возможно, в данном случае следовало бы при переводе на французский язык это высказывание снабдить подстрочным комментарием, объясняющим, почему из множества русских писателей XIX века Солженицын выбрал именно Тургенева. Отсутствие подобного комментария в переводе Леона и Андре Робелей не только наносит ущерб национально-культурному колориту, но и ставит под сомнение достаточность фоновых знаний переводчиков.

Среди множества реалий особый интерес представляет также передача народных (религиозных) праздников, так как известно, что русский православный календарь несколько отличается от европейского католического. Путаницу создает некоторое смешение старого и нового стилей. В рассказе упоминаются пять праздников, наиболее значимых для жителей русской деревни: Иван Постный (11 сентября по новому стилю), Покров (14 октября), Петров (12 июля), Микола Зимний (19 декабря) и Ильин день (2 августа):

«По-бывалошному кипели с сеном в межень, с Петрова до Ильина...» [2, с. 122].

“*Au temps d’autrefois, c’est dans l’entre-deux-saisons qu’on s’activait aux foins, de la Saint-Pierre à la Saint-Elie*” [6, p. 77].

«... что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожай не будет...» [2, с. 124].

“...à Saint-Jean le Jeuneur il ne faut entrer au jardin, il n’y aurait pas de récolte l’année qui suit” [6, p. 79].

«Говорят у нас: умная выходит после Покрова, а дура после Петрова. Рук у них не хватало. Пошла я... на Петров день повенчались, а к Миколке зимнему – вернулся... Фаддей...» [2, с. 131].

“*On dit chez nous: fille intelligente se marie à l’Intercession, fille sotte à la Sainte-Pierre-et-Paul. Ils manquaient de bras. J’ai accepté... Nous nous mariâmes à la Saint-Pierre et à la Saint-Nicolas d’hiver, s’en revint... Faddei...” [6, p. 80].*

Эти праздники играли очень важную роль в народном календаре, поскольку с ними были связаны определенные традиции: например, выходить замуж после Покрова, перегонять пчел в Ильин день и т.д.

Правильная передача этих реалий обеспечила бы адекватное восприятие временных рамок некоторых событий в рассказе, а также русских национальных традиций, связанных с определенным днем календаря.

Начнем с праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Следует отметить сразу, что в отличие от многих православных праздников, имеющих аналоги в католичестве, этот праздник характерен только для Русской Церкви. Он был установлен в XII в. Тогда, по преданию, Пресвятая Богородица явилась святому Андрею Константинопольскому во Влахернском храме в Константинополе. Переводчики не пошли путем замены реалии на функциональный аналог ввиду его отсутствия. Они передали его аналогом “Intercession” (буквальный перевод – «заступничество», имеется в виду защитная функция Покрова) и указали в подстрочном комментарии дату праздника (причем по старому стилю). Французско-русский словарь под ред. В. Г. Гака [4] предлагает “Intercession”, а точнее “Intercession de la Vierge” в качестве устоявшегося способа передачи названия праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Однако поскольку во Франции и других франкоязычных странах этот праздник – элемент чужой культуры, при подобной передаче теряется важная фоновая информация: к Покрову обычно заканчивались тяжелые летние работы, и приходило время искать себе жену, помощницу на будущее, отсюда и первая часть пословицы «умная выходит после Покрова». Таким образом, подстрочный комментарий, представленный в тексте перевода, является недостаточным для передачи колорита.

День Святых Петра и Павла (Петров день) празднуется 12 июля и имеет функциональный аналог в католичестве. Он переводится как *la Sainte-Pierre-et-Paul* [5, p. 1512], однако в подстрочном комментарии дата православного праздника указывается как идентичная дате праздника католического – 29 июня. Нет характерной разницы в 13 дней, которая обусловлена переходом православия на новый стиль. Тем не менее, несмотря на получившийся сдвиг во времени, франкоязычный читатель сможет сформировать представление о важности этого праздника в жизни русских крестьян: “...on s’activait aux foins, de la Sainte-Pierre à la Sainte-Elie”. Из контекста видно, что с Петрова дня начинались летние сельскохозяйственные работы, настолько тяжелые, что считалось недальновидным выходить замуж после 12 июля («умная выходит после Покрова, а дура - после Петрова»).

Как и в предыдущем случае, Микола Зимний был заменен функциональным аналогом “le Saint-Nicolas”, который был дополнен переводом определения «зимний»: “le Saint-Nicolas d’hiver”. Наличие двух народных праздников Святого Николая – явление, распространенное в русской культуре и не встречающееся во французской. Католики отмечают этот праздник 6 декабря, и, как и в предыдущем случае, переводчики в подстрочном комментарии опустили разницу в 13 дней между православным и католическим праздником. В итоге, мы имеем ошибку и частичную утрату колорита.

Иван Постный (день усекновения главы Предтечи) и Ильин день в католичестве не празднуются, поэтому переводчики прибегают к калькированию, не указывая даты этих праздников (если в отношении Ильина дня читатель еще может сделать вывод из контекста, что этот праздник имел место осенью, то время празднования Ивана Постного определить невозможно). Тем не менее, контекст помогает частично (но недостаточно!) сохранить фоновую информацию об этих праздниках: так, Ильин день выступает в качестве конца летних сельскохозяйственных работ в русской деревне, а Иван Постный связан с определенной приметой.

Таким образом, народные (религиозные) праздники в переводе переданы либо функциональным аналогом, либо калькированием, а вследствие допущенных ошибок и недостаточности способов передачи реалий колорит, в общем, передан недостаточно полно.

Ономастические реалии представлены в тексте рассказа в основном антропонимами, то есть именами героев рассказа. Эти реалии, по мнению Н. А. Фененко [3, с. 119], являются наиболее национально окрашенными, однако и здесь у французских читателей могут возникнуть сложности: во-первых, отчество для них — это понятие незнакомое, во-вторых, многие русские имена в уменьшительно-ласкательной форме изменяются, порой до неузнаваемости. Рассмотрим, как переводчики справились с этой проблемой.

Наиболее часто упоминаемым персонажем рассказа является, конечно, Матрена. В тексте ее именуют и как Матрену (Matriona), и как Матрену Васильевну (Matriona Vassilievna), и как товарища Григорьеву (camarade Grigorieva). Понимание того, что Васильевна относится к Матрене обусловлено их совместным употреблением. Товарищ Григорьева вводится в диалоге между Матреной и женой председателя. Поскольку в диалоге участвуют два человека, причем жена председателя обращается к Матрене, употребляя выше приведенное словосочетание, становится понятно, что “camarade Grigorieva” - это “Matriona Vassilievna”.

В качестве антропонима, обозначающего рассказчика, мы имеем его отчество “Ignatitch”. Однако, французский читатель, который малознаком или незнаком вовсе с понятием русского отчества, примет этот антропоним скорее за имя.

Большинство антропонимов (Маша, Шаляпин, Глинка, Кира, Фаддей Миронович, Ефим) переданы посредством транскрипции.

В тексте перевода можно также встретить явные переводческие упущения: так, председатель колхоза из Горшкова по неизвестной причине становится “Chachkov”, а в Матренином рассказе о ее умерших детях по неизвестной причине имя “Helena” фигурирует в качестве имени дочери Матрены. В тексте оригинала подобного имени не было.

Однако к переводу имен в уменьшительно-ласкательной форме переводчики подошли осторожно. Как пишет Н. А. Фененко: «Употребление разных форм одного и того же имени собственного не всегда целесообразно, поскольку может быть не понято читателем текста перевода» [Там же]. Так, Григорьев Антон даже в том случае, когда в тексте рассказа его называют Антошкой, остается “Grigoriev Enton” (мы сочли опечаткой тот случай, когда это имя было транскрибировано как “Anton”, поскольку наиболее распространенным вариантом является “Enton”), то есть уменьшительно-ласкательная форма не транскрибируется. Клавка транскрибируется как “Klava”, а Киркин муж переводится как “le mari de Kira”.

Таким образом, несмотря на некоторые упущения, национально-культурный колорит ономастических реалий был передан.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Особенностью плана передачи реалий было широкое использование функционального аналога, который приводил к замене русской картины мира картиной мира языка перевода, при этом национально-культурный колорит передан не был. Транскрипция, обеспечивающая наиболее национально окрашенный перевод, не всегда сопровождалась необходимым комментарием, что влекло за собой непрозрачность перевода. В некоторых случаях контекст восполнял недостатки передачи колорита и фоновой информации, однако, в случаях опущения и отсутствия комментария, восприятие перевода оставалось затрудненным. Иногда мы становились свидетелями грубых смысловых ошибок, которые делали невозможной передачу не только колорита, но и семантической стороны реалии.

Приводимые в статье примеры ни в коем случае не свидетельствуют о том, что передача национально-культурной специфики на другой язык в художественном переводе невозможна. Наоборот, эта проблема в последнее время привлекает большое внимание лингвистов. Многочисленные переводческие исследования способствуют как описанию уникальности и многообразия языков и культур, так и дальнейшему развитию межкультурной и межязыковой коммуникации.

Список литературы

1. **Виноградов В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 174 с.
2. **Солженицын А. И.** Рассказы. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 3. С. 112-147.
3. **Фененко Н. А.** Язык реалий и реалии языка. Воронеж, 2000. 139 с.
4. **Французско-русский словарь активного типа** / под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 3-е изд. М.: Русский язык, 2000. 1056 с.
5. **Le Maxidico.** Dictionnaire encyclopédique de la langue française. Édition de la Connaissance, 1996. 1718 p.
6. **Soljénitsyne A.** La maison de Matriona. Paris, 1972.

RUSSIAN CULTURE REALIA REFLECTION IN FRENCH TRANSLATION (BY MATERIAL OF A. I. SOLZHENITSYN'S STORY “MATRYONA'S PLACE” AND ITS TRANSLATION INTO FRENCH)

Liliya Aleksandrovna Spektor, Ph. D. in Philology
Department of French Philology
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
libondarenko@mail.ru

The author considers the problems associated with the translation of the realia relating to the sphere of religious holidays, associative and onomastic realia, pays special attention to the question, how the translated text of a work of fiction can serve as an objective source of information about other culture, and comes to the conclusion that the attempts to preserve the national identity of the original result in the formation of semantic violations caused by the influence of translating culture.

Key words and phrases: associative realia; religious holidays; functional equivalent; national-cultural specificity.